

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 81'42+81'27:39

ББК Ш105.51+Ш100.63+Ш100.3

ГРНТИ 16.21.47; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Гуломжон Нематович Рахманов

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Uzbekistan, gulom1958@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0006-7938-1628>

Концепт «власть» в современной лингвистике: сравнительная характеристика концепта «власть» в русской, узбекской и английской лингвокультурах

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматривается процесс формирования семантики концепта «власть», приводящий к появлению этнокультурных особенностей, отражающих существенные стереотипы, характеризующие мышление носителей разных языков и культур. Процесс формирования и исторического развития концепта «власть» как единицы культуры требует фокусировки внимания на лингвокультурных коннотациях. В связи с этим заявленная тема потребовала изучения соотношения объема понятия, вербализующего концепт в трех языках (русском, узбекском и английском), а также выделения интегральных и дифференцирующих сем для соответствующих лингвокультур. Центральные репрезентанты анализируемого концепта в трех языках — «власть», «hokimiyat», «power», «authority». Помимо смыслового объема, выявляются способы и средства вербализации концепта в трех выбранных языках. Реализация концепта в трех языковых картинах мира (русской, английской и узбекской) рассматривается на фоне научной дефиниции понятия власти, осуществленной на основе анализа теоретической литературы. Лингвокультурная специфика реализации концепта демонстрируется фольклорными текстами — пословицами и поговорками, связанными с властью, а также афоризмами известных политиков, вошедшими в культурный фонд народов. В русском языке исторически в ядро концепта входили базовые значения «владычество, возможность приказывать», «могущество, влияние», «управление в широком смысле»; в узбекском языке — «право на управление государством», «политическое господство; авторитет», «права и полномочия государственных органов», «право отдавать приказы»; в английском языке — «дееспособность, правоспособность», «армия, флот», «доминирующий народ, великая держава», «политика с позиции силы».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептосфера, концепты, лингвокультурология, русская лингвокультура, узбекская лингвокультура, английская лингвокультура, лингвокультурные коннотации, власть, культурная значимость, референциальная семантика, смысловая структура, этнокультурная особенность, десемантизация, семантическое расширение, культурные ценности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Рахманов Гуломжон Нематович, старший преподаватель кафедры теоретических аспектов английского языка № 2, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан, email: gulom1958@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рахманов, Г. Н. Концепт «власть» в современной лингвистике: сравнительная характеристика концепта «власть» в русской, узбекской и английской лингвокультурах / Г. Н. Рахманов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 262-273.

Gulomzhon N. Rakhmanov

Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan, gulom1958@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7938-1628>

The Concept of “Power” in Modern Linguistics: A Comparative Study of the Concept in Russian, Uzbek And English Linguocultures

ABSTRACT. This article examines the process of forming the semantics of the concept of “power”, which leads to the emergence of ethnocultural features reflecting significant stereotypes that characterize the thinking of speakers of different languages belonging to different cultures. The process of formation and historical development of the concept of “power” as a unit of culture requires focusing on linguocultural connotations. In this regard, the topic required a study of the ratio of the volume of the concept that verbalizes the concept in three languages (Russian, Uzbek and English), as well as the identification of integral and differentiating semes for the respective linguocultures. The main nominative units representing this concept in three languages are “vlast”, “hokimiyat”, “power”, and “authority”. In addition to the semantic scope, the ways and means of verbalization of the concept in the three selected languages are described. The implementation of the concept in three linguistic worldviews (Russian, English and Uzbek) is considered against the background of the scientific definition of the concept of power, based on the analysis of theoretical literature. The linguocultural specificity of the concept implementation is demonstrated by folklore texts — proverbs and sayings related to power, as well as aphorisms of famous politicians included in the cultural fund of the peoples. Historically, the core of the concept in Russian included the basic meanings of “vladychestvo, vozmozhnost' prikazyvat’”, “mogushchestvo, vliyanie”, “upravlenie”; In Uzbek, these meanings included “the right to govern the state”, “political domination; authority”, “rights and powers of state bodies”, “the right to give orders”; in English, they comprised “legal capacity”, “army, navy”, “dominant people, great power”, “politics from the position of power”.

KEYWORDS: *conceptosphere, concepts, linguoculturology, Russian linguoculture, Uzbek linguoculture, English linguoculture, linguocultural connotations, power, cultural significance, referential semantics, semantic structure, ethnocultural specificity, desemantization, semantic expansion, cultural values.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Rakhmanov Gulomzhon Nematovich, Senior Lecturer of Department of Theoretical Aspects of English #2, Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan.*

FOR CITATION: *Rakhmanov G. N. (2026). The Concept of “Power” in Modern Linguistics: A Comparative Study of the Concept in Russian, Uzbek And English Linguocultures. In Political Linguistics. No 3 (117), pp. 262-273. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

За последние годы в современной лингвистике появилось множество научных исследований, опирающихся на различные аспекты и способы изучения понятия концепта, в том числе при сравнительной характеристике концепта «власть». В ходе данного исследования описание понятия «власти» на материале сравниваемых языков было реализовано посредством лексикографического анализа с учетом исторической периодизации. Данный подход, являясь наиболее традиционным способом, широко используется в лингвистических исследованиях.

В процессе лексикографического анализа выявлены основные специфические черты концепта *власть*, имеющего непосредственное отношение к власти и властным отношениям в лингвокультурах сравниваемых языков. Наряду с этим, также открылись широкие возможности для расширения и обогащения научных взглядов о свойствах данного концепта. В этой связи был проведен этимологический анализ политической лексики (далее ПЛ), входящей в поле «власть», на основе научно-исторических источников и исследований.

Подобное исследование играет важную роль для выяснения исторической значимости, условия формирования государственности, структурирования власти и политических культур народов, говорящих на разных языках. Этим обусловлена актуальность нашего исследования, которое представляет собой изучение семантики слова «власть» в различных культурах на материале трех разноструктурных языков (русского, узбекского и английского).

Понятие «власть» как устойчивая категория, имеющая определенную лексическую форму выражения, активно используется в трех языках. Предметом нашего исследования являются универсальные и этнокультурные особенности понятия власти в русской, узбекской и английской лингвокультурах. Материалами сопоставительного исследования послужили теоретические и научные работы, посвященные изучению понятия власти на трех языках.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Цель исследования заключается в глубоком изучении смысловой структуры, культурной значимости и когнитивной роли концепта «власть», характерных для носителей русского, узбекского и английского языков.

Благодаря анализу исторических реалий и фактов нам удалось определить происхождение слова *власть* и его семантическую структуру в трех языках. Одновременно наметились тематические подгруппы политической лексики, входящей в поле «власть», а именно структура и атрибуты государственности разных народов и их формы существования и развития.

Данные изученных материалов свидетельствуют о различных подходах к анализу и толкованиях концепта *власть* со стороны ученых — политологов, лингвистов разных исторических периодов.

Теоретический обзор. Понятие власти в русскоязычной, узбекоязычной и англоязычной лингвокультурах

Прежде всего следует обратить внимание на научные работы, посвященные изучению понятия и видов власти с точки зрения диахронического и синхронического аспектов. Так, А. Вежицкая в своей работе отмечает, что понятие «власть» относится к базовым понятиям — «ключевым словам», которые относятся к общеупотребительным словам, входят в определенную семантическую область и часто встречаются во фразеологии и фольклоре [Вежицкая 1999: 283].

Как известно, в фольклоре понятие власти очень многогранно и характеризует, как народ воспринимает власть в действительности, т. е. народное отношение к власти — *доверие, недоверие, авторитет, господство*, признание или непризнание власти насилием.

Соответственно, для описания данного понятия на примере сравниваемых языков необходимо рассмотреть наиболее распространенные пословицы, поговорки, устойчивые выражения про власть. Начнем с поговорок и афоризмов, характеризующих основные признаки власти и властных отношений с точки зрения носителей русского языка.

1. Власть над собой — самая высшая власть. 2. Власть — это наркотик, без кото-

рого политики не могут жить. 3. Власть — самое сильное возбуждающее средство. 4. Власть дается не любить, а давить. Всякая власть от Бога. 5. В России отныне есть два государства: одно — для народа, другое — для барства. В одном государстве шалеют от денег. В другом до зарплаты копеечки делят. 6. Дай дуракам власти, развалят Русь на части. 7. Когда власть делили, нас позвать забыли. 8. Кто власть имеет, бедных не жалеет. 9. Любая власть богатым прибавить, у нищих отнять. 10. На Руси всякой власти до страсти. 11. Одинаково опасно и безумному вручать меч, и бесчестному власть. 12. Пойдешь налево — придешь направо, на власть надейся, но дрова на зиму запасай. 13. С сильным не борись, с богатым не судись. 14. У кого деньги, у того и власть. 15. Чья власть, того и закон.

Далее представим ряд примеров поговорки про власть, имеющих широкое хождение среди носителей узбекского языка, с переводом на русский и краткими пояснениями.

1. Adolatli davlat — elning ranohi. / Справедливая власть — прибежище для народа. 2. Zolim hokim — elga balo. / Тиранический правитель — бич для народа. 3. Zolimon hukumronlik zulm keltiradi. / Тираническое господство влечет за собой угнетение. 4. Hokimiyatning eng oliy ko'rinishi — o'zini idora qila olishdir. / Высшая форма власти — это способность управлять собой. 5. O'ynashmagin arbob bilan, arbob urar har bob bilan; o'zi xon, ko'lankasi maydon yohud o'zi (ga) bek. / Не играй с властителем, он побьет (тебя) в любом случае; он сам царь (падишах) и бог, никто ему не указ (что хочет, то и делает). 6. Hokimiyat — omonat, adolat — burch. / Власть — это доверие, справедливость — это долг. 7. Holvani hokim yer, kaltakni etim yer. / Халву (один из видов восточных сладостей) ест правитель, а удары палкой достаются сироте. 8. Hokim bo'lsang, xolis bo'l. / Если ты правитель, будь справедливым.

Разумеется, в английском языке поговорки про власть обычно говорят об искушениях и их последствиях, более характерных для англичан.

1. Power is a tricky mistress. / Власть — коварная штучка. 2. Power corrupts, and absolute power corrupts absolutely. / Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. 3. The one-eyed man is king among the blind. / Среди слепых и одноглазый король (выражение показывает, как даже небольшой авторитет возвышается в некомпетентном окружении). 4. Pay peanuts, get monkeys. / Плати арахис, получишь обезьян (намек, что низкая цена власти ведет к низкокачественным результатам). 5. He's be-

come a real powerbroker. / Он стал настоящим кукловодом (тем, кто распределяет власть). 6. The power is supported by force alone will have cause often to tremble. / Власть, держащаяся лишь на силе, часто приходится бояться за себя. 7. Power of the keys. / Папская власть. 8. Power is not a means, it is an end. / Власть — это не средство, это цель (Уинстон Черчилль о стремлении к власти ради самой власти).

Вышеприведенные изречения из русской, узбекской и английской лингвокультуры можно называть политическими афоризмами про власть. Многие из этих афоризмов и поговорок с давних времен употребляются в разговорной речи и являются неотъемлемой частью широко распространенных народных речений. По сути приведенные афоризмы являются частью фольклора и отражают своеобразные особенности, культурные ценности, присущие соответствующим культурам. Во всех приведенных устойчивых сочетаниях первичным референтом выступает политическая реальность, а понятие *власть* употребляется как экспрессивное средство. Иными словами, поговорки выступают как политические фразеологизмы и выполняют функцию семантическую, в отличие от обычных фразеологических оборотов, для которых характерна в большей степени стилистическая функция. Это позволяет на указанном материале сделать заключения о концепте *власть* — ключевом понятии в политике.

Анализ концепта *власть* как основного фрагмента языковой картины мира осуществляется, как говорила Н. Д. Арутюнова применительно к культурным концептам, сквозь призму лингвокультурологии, поскольку «понятия практической философии образуют своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [Арутюнова 1993: 3].

По мнению М. В. Орловой, в процессе исторического развития объем содержания концепта подвергается изменениям, также изучение происхождения и семантической динамики лексической единицы с помощью специальных этимологических и толковых словарей помогает определить, что волновало носителей языка и что было для них наиболее значимым в определенные исторические периоды [Орлова 2012: 85–89].

В. А. Маслова, свою очередь, отметила следующие этапы, необходимые для выяснения семантического объема значений того или иного концепта в лингвокультуре: 1) определить конкретную ситуацию, к которой принадлежит данный концепт; 2) установить место концепта в языковой картине мира и языковом сознании нации, используя энцик-

лопедические и лингвистические словари (при этом словарная дефиниция является ядром концепта); 3) учесть особенности этимологии; 4) привлечь к анализу самые разнообразные контексты: поэтические, научные, философские, публицистические, пословицы и поговорки и другие; 5) сопоставлять полученные результаты с анализом ассоциативных связей ключевой леммы (ядра концепта); 6) рассмотреть аналогии интерпретации концепта в живописи, музыке, скульптуре и др. [Маслова 2007: 296].

Мы считаем верной точку зрения В. А. Масловой о необходимости привлечения к анализу при структурировании концепта разнообразных контекстов. Предложенные ей этапы могут стать в дальнейшем алгоритмом рационального подхода к исследованию принципов лексикографического и дефиниционного анализа концепта *власть*.

Следует отметить, что наиболее важен для сравнения вышедшей из употребления и актуальной трактовки понятия власти лексикографический анализ на материале словарей различных типов. Например, лексикографический анализ позволяет определить основные этапы и периодизацию изменений в семантической структуре лексических единиц, обозначающих понятие власти в русском, узбекском и английском языках (дополнительно следует учитывать широкий контекст — исторические факторы).

По сути, семантический объем слова *власть* существенным образом меняется в течение веков. Традиционно каждый этап динамического процесса изменения в семантической структуре политической лексики, входящей в поле «*власть*», отдельно отмечается и фиксируется в энциклопедических и толковых словарях сравниваемых языков.

Лексикографический анализ позволил выявить влияние основных исторических и социальных факторов на изменения в семантическом объеме исследуемого понятия, а также проследить появление новых значений в семантической структуре слов, эксплицирующих концепт *власть* в русском, узбекском и английском языках. Также удалось определить место концепта в языковой картине мира и языковом сознании носителей русского, узбекского и английского языков. Исследование на материале указанных языков продемонстрировало важную роль словарной дефиниции в определении ядра и объема базовых значений концепта.

С целью детального понимания смыслов в историческом аспекте был проведен этимологический анализ лексических единиц *власть*, *hokimiyat*, *power* и *authority*. Это предоставляет возможность углубить и кон-

кретизировать наше представление о характерных чертах заявленного концепта на примере русскоязычной, узбекскоязычной и англоязычной картин мира в части, раскрывающей отношения власти и властных структур. Этимологический анализ позволяет выявить не только структурно-семантические характеристики исследуемых единиц в ходе исторического развития, но и влияние социальных факторов на расширение значения лексем, связав это с исторической периодизацией общества.

На данном этапе исследования (лексикографический и дефиниционный анализ единиц трех языков) материалы рассматриваются как раздельно, так и в сопоставлении друг с другом.

Обратимся к исторической трактовке понятия *власть* в русском языке. Слово «власть» в русском языке происходит от древнего корня *voldti* < *власти*, *владеть*; *voldť* > *volšť* > *власть*; *владеть* из старославянского языка. Вместе с тем в старославянском языке появились различные варианты этого корня, например: *владыка*, *властелин*, *властитель*, *волость*. В результате в русском языке образовался семантический ряд общих по происхождению лексем, объединяемый общностью значения концепта *власть*, независимо от принадлежности к той или иной части речи [Шанский 1982: 471].

На самом деле на всех этапах развития человеческого общества исторические и экономические факторы оказывали огромное влияние на формирование политической лексики языка. Это проявляется в том, как на протяжении веков под воздействием данных факторов в русском языке шла непрерывная семантическая деривация на основе исходного значения слова «власть».

Научные источники позволяют выделить следующие три этапа формирования понятия власти в русском языке, обусловленные исторической периодизацией общества.

1. Понятие «власть» в период формирования древнерусского государства (IX–X вв.). Этот период связан с появлением атрибутов понятия власти на раннем этапе формирования древнерусской государственности:

– *волость: общеслав.* *volda* < *власти*, *владеть*; *voldť* > *volšť* > *власть*; *владеть*; *власть* — *владыка*, *властелин*, *властитель*, *волость*;

– *держава: общеслав.* *дръжава* — *владычество*, *могущество*; *самостоятельное*, *сильное*, *независимое государство*; *самодержавие*; *державный* — *обладающий верховной властью*, *владельческий*, *царственный*; *величественный*, *могучий*, *сильный*;

– *государь, др.-русс.* — *государство*; *царь*, лат. (от *цсарь*, *цѣсарь* — *цесарь*, лат.

саесаг, др.-греч. καίσαρ) — один из титулов славянских монархов; сторонник, др.-русск., то же, странник ст.-слав — страна [Фасмер 1987: 290–291].

И. И. Чиронova в своей статье, посвященной сравнительному анализу понятия «власть», также пояснила, что этимологически слово «власть» произошло от старославянского корня *volstь* (*воласть*) и первоначально имело значение «область», «территория». В период XI–XII веков слово «власть» приобрело три основных значения. Первое значение — «господство, правление, владычество» — наиболее устаревшее и относится к X веку. Второе значение данного слова — «духовные и гражданские лица, облеченные властью» — также является достаточно древним и относится к XII в. В третьем значении, которое уже было упомянуто ранее, в форме *воласть* означает «удел или княжество, находящиеся под одной верховной властью».

В ходе исследования также выявлены основные причины процесса семантического расширения слова «власть», произошедшего в XVIII веке в связи с приобретением новых значений: «право управления государством, обществом; политическое господство». Очевидно, что эти значения выделились на основе исконной семы «господство, право повелевать» вследствие развития концепции общества и государства.

Кроме того, автором упоминается, что новое значение слова «власть», появившееся только в XVIII в., быстро вытеснило остальные смыслы из общественного сознания. Примечательны в этом плане некоторые критические замечания И. И. Чироновой. Так, по ее наблюдениям, словарная статья про «власть» в дореволюционном энциклопедическом словаре Русского библиографического института Гранат фактически отсутствует, в нем есть только отсылка («см. Государственная власть»).

После лексикографического анализа мы определили пять основных смыслов понятия «власть» в современном русском языке:

- 1) возможность повелевать, распоряжаться действиями или поведением кого-либо — «в моей власти»;
- 2) могущественное влияние, неодолимая, притягательная сила — «власть денег»;
- 3) форма управления страной — «монархическая власть»;
- 4) право и возможность управления государством — «президентская власть»;
- 5) органы государственного и местного управления — «законодательная власть» [БАС-2005, т. 2: 621–623].

В результате лексикографического ана-

лиза выявлено следующее: 1) исчезновение из употребления значения *территория, область*; 2) изменение главной семы на «политическое господство», появившейся в XVIII веке вследствие приобретения более конкретного значения; в настоящее время появилась «форма управления страной»; 3) также наращивались значения за счет семы «лица, облеченные властью» и — при образовании институтов (или истеблишмента) — «органы управления всех уровней». На протяжении веков устойчивыми и неизменными остались только значения *влияния* и *распоряжения, управления*.

Таким образом, на основе дефиниционного анализа было выявлено, что ядро концепта *власть* в русском языке можно представить в виде трех базовых значений: 1) господство, владычество, повелевать; 2) могущество, влияние, сила; 3) управление в широком смысле слова, подразделяемое на три семы — *право управления, формы и органы управления* и *должностные лица* [Чиронova 2014: 48–56].

Выяснилось, что понятие «власть» является многогранным концептом, сочетающим в русской лингвокультуре компоненты *господства, контроля, авторитета, права и принуждения*. Оно тесно связано с волевыми отношениями (подчинением) и часто воспринимается через призму силы, ответственности и социальной иерархии. В этом плане актуально определение Макса Вебера, трактующего *власть* как возможность реализовать свою волю, несмотря на сопротивление; иными словами, важен процесс реализации власти [Weber 1972: 122].

2. Советская эпоха в формировании понятия «власть» в современном русском языке (период 1917–1991 гг.).

Ввиду перехода к социалистической формации в обществе произошла перемена власти. При этом изменились смыслы и смысловые связи в осознании власти в течение советской эпохи. Результатом этого стала семантическая деривация в структуре понятия *власть* в русском языке.

Слово «власть» приобрело новые значения для обозначения социалистических реалий, например: *советская власть, народная власть, власть Советов, власть рабочих и крестьян, социалистическое государство, социалистическая демократия* и др.

Разумеется, этот процесс привел к идеологизации политической лексики (ПЛ), связанной с понятием *власть*, в советскую эпоху. В русском языке усилился процесс образования новых политических терминов для наименования реалий советского пери-

ода. Из-за идеологизации ОПЛ советской эпохи также произошли масштабные изменения в словарном составе русского языка и языков народов СССР. В итоге в составе ОПЛ сформировался пласт ПЛ, существовавшей на фоне лексики политической власти.

3. Десемантизация понятия «власть» в постсоветскую эпоху (1991–2026). Смысловой сдвиг в структуре понятия «власть» был наиболее ощутимым в словарном составе русского языка.

В этот период понятие «власть» частично десемантизировалось: исчезли семы, связанные с советским партийным руководством и политическим господством.

В процессе десемантизации термина *власть* произошел ряд характерных для постсоветской эпохи изменений: 1) утрата и размывание его исходного, конкретного значения; 2) слово «власть» наиболее активно употребляется в значении органов государственного и местного управления, их прав и полномочий; лиц, входящих в эти органы, начальства, администрации; 3) сильная президентская власть воспринимается как гарантия политической стабильности и незыблемости конституционного строя [Народная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия». URL: er.ru (дата обращения: 04.05.2026)].

Исследование понятия *hokimiyat* (*власть*) в современном узбекском языке следует вести с учетом исторической периодизации и этапов формирования древнетюркской государственности на территории нынешней Центральной Азии.

Изучение понятия *власть* в исторической перспективе раскрывает влияние исторических факторов на развитие языков и культур древнетюркских народов, дает возможность расширить представления о власти и эволюции властных отношений. Также это позволяет зафиксировать влияние социокультурных факторов на понимание концепта *власть* в современном узбекском языке.

На наш взгляд, сложность трактовки понятия *власть* вызывается многогранностью соответствующего феномена и существованием различных подходов к его изучению на материале современного узбекского языка. У этого можно выделить следующие причины: 1) наличие различных интерпретаций понятия *власть* в рамках каждого исторического периода развития, основанных на его смысловой неисчерпаемости; 2) появление вариативности понимания, уточнения границы значений термина «власть» в связи с историческим контекстом формирования узбекской государственности и политической субкультуры узбекского народа; 3) наличие

различных толкований понятия *власть* в лексикографических источниках и научных трудах, что диктуется условиями политической реальности, связано с борьбой интересов в каждую эпоху существования цивилизации общества.

Концепт *власть* в узбекском языковом осознании является устойчивым ментальным образованием и репрезентируется с помощью ряда лексем, где основное место занимает лексема *hokimiyat* (*хакимият*), обозначающая государственную или административную власть.

Этимологически слово *hokimiyat* (*хакимият*) происходит от арабского корня *h-k-m* и имеет значения *власть, органы власти, управлять, решать, судить* и др. Исторически арабские заимствования играют важную роль в формировании концепта *власть* в узбекском языке.

Понятие *власть* в узбекском языке представлено несколькими заимствованиями из арабского языка. Так, в значении «власть» в зависимости от политического или административного контекста используются слова *hokimiyat*, *davlat*, *hukumat*, *saltanat*. Данные заимствования употребляются в значениях *власть, властвовать, владеть, господствовать* в тюркских языках с XI века вплоть до настоящего времени. Эти заимствования отражают следующие базовые значения концепта «власть»: держава, страна, господство, трон, престол, царствование [ТСУЯ 2006–2008: 537, 547, 560–561].

Как известно, на протяжении XV–XIX веков после распада империи Темуридов в Средней Азии началась эпоха ханств Бухарского, Хивинского и Кокандского, которые господствовали на территории нынешних Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Кыргызстана и Южного Казахстана. Однако в различных лексикографических источниках слово «ханство» — «власть хана» интерпретируется по-разному в зависимости от контекста: **Ханство** (/ˈxɑːneɪt, -ət/ *khahn-ayt, -ət*) или **каганат** — государство, управляемое ханом, каганом, хатун или ханум; положение, достоинство хана; власть хана. Хан (монг. хаан — властитель, монарх) — азиатский владетель, монгольский и тюркский титул, также носитель этого титула; хан, правитель.

В итоге лексикографического анализа выявлено, что в современном узбекском языке слова *davlat*, *hokimiyat*, *hukumat* означают «власть», исключая *saltanat*. Однако слово *saltanat* применялось в значении «империя» только при господстве Темуридов. В настоящее время слова *saltanat* и *khonlik*

стали историзмами в узбекском языке и используются для описания политических реалий ушедших эпох.

По словам Х. Дадабаева, важнейшие политические, экономические, социальные, религиозные преобразования, происходившие в XI–XIV вв., способствовали появлению новых понятий и явлений, что сопровождалось в сфере языка семантическими приспособлениями собственных и иноязычных слов для их выражения. В этот период начинают активно создаваться и пополняться терминосистемы, относящиеся к общественно-социальной и политико-экономической жизни [Дадабаев 1991: 43].

Следует отметить, что за более чем 300-летний период в тюркском языке утвердилось несколько терминов, обозначающих концепт «власть». Так, при господстве Караханидов, Сельжукидов, Хорезмшахов и Тимуридов опирались на систему удельного управления.

Поэтому *удел, округ* или *область*, как и *страна, государство*, в древнетюркском языке названы словом *el // эл*. По сути *el // эл* — это исконно-древнетюркское многозначное слово, которое до сих пор употребляется в разных значениях в современном узбекском языке в зависимости от контекста: *страна, народ, край, родина, отечество, отчизна* || *отечественный*. Например, в произведениях Алишера Навои слово *el // эл* употребляется в значениях *народ, люди* и *войско*.

Однако слово *el // эл* в разных старотюркских памятниках нередко зафиксировано в значении *государство, народ, страна* [ТСУЯ 2006–2008: 461].

Например, в начале XX века способом сложения на основе слова *el // эл* образован термин *el+boshi* (*эл + боши = элбоши*) в казахском языке, который означает *глава государства, лидер нации*. Исторически слово *elboshi* означает *вождь* и является официальным титулом вождя казахского народа.

Другой компонент сложения с этим словом — *yurt // юрт* — в словаре Л. З. Будагова «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» приводится со значениями *страна, государство, царство, владение; отечество* и отмечен как исконное слово в древнетюркском языке [Будагов 1960: 415]. В результате сложения двух слов *el // эл* и *yurt // юрт* образован сложный термин *el-yurt // эл-юрт*, который употребляется в значениях *народ, страна, люди* в современном узбекском языке.

Подобным образом наряду с термином *elboshi* (*елбасы*) образован его эквивалент *yurt + boshi = yurtboshi* в современном узбекском языке, который употребляется в разных

значениях в зависимости от контекста: *глава страны, властелин, властитель, властительница, правитель, повелитель*.

Yurtboshi как новая ПЛ использовался в 1990-х и 2000-х годах в СМИ Узбекистана. Этот термин принят как почетный титул, в качестве официальной формы обращения к первому Президенту Республики Узбекистан. Таким образом, термин *yurtboshi* (*юртбоши*) зафиксирован в толковом словаре современного узбекского языка и означает *глава страны, ~ государства; руководитель народа, ~ родины* [ТСУЯ 2006–2008: 93].

Следует отметить, что в настоящее время в современном узбекском языке употребляются те же арабские заимствованные слова для описания концепта *власть*, только лишь с дополнением новых значений. Сфера употребления этих терминов значительно расширилась в связи с преобразованием политической системы и изменением в структурах государственного управления, распределения политической власти Узбекистана.

Периодически значение данных терминов менялось под влиянием социально-политических факторов. Например, в конце 50-х годов XX века впервые был издан «Узбекско-русский словарь», посвященный тридцатипятилетию Узбекской ССР. В данном словаре зафиксировано слово *hokimiyat* (*хакимият*) как ПЛ, обозначающее понятие *власть* в узбекском языке: *hokimiyat — власть, господство; господствующее положение; господствовать, властвовать; занимать господствующее положение* [ТСУЯ 2006–2008: 546–547].

Таким образом, слово *hokimiyat* (*хакимият*) оказалось лексическим эквивалентом слов *власть* и *power*, обозначающих понятие *власть* в русском и английском языках. Вместе с тем в том же словаре зафиксированы другие единицы, входящие в лексико-семантическое поле «власть»: *hukumat* (*хукумат*) и *davlat* (*давлат*), которые более близки по значению к слову *hokimiyat* (*власть*) в узбекском языке.

В процессе семантического анализа были выявлены смысловые изменения в семантике слов *давлат* (*davlat*), *hukumat* (*хукумат*), отразившие политическую реальность советской эпохи. Например:

давлат (*davlat*) I *государство, держава*; II *государственный; демократическое государство; советское государство; государственный строй*.

давлат (*davlat*) II 1. *богатство, достояние; добро (имущество); 2. перен. благо, счастье, богатство; фортуна ~ ему улыбнулось счастье*.

хукумат (*hukumat*) 1. *правительство;*

власть; II правительственный; советское правительство; советская власть; 2. собир. члены правительства.

Контекст показывает, что в узбекском языке слово *давлат* чаще всего относится к государству (стране) и его институтам, а также к государственным делам и применялось для обозначения политических реалий социализма [Узбекско-русский словарь 1959: 830].

Семантический анализ показывает, что смысловое наполнение понятия *власть* в узбекском языке систематически трансформируется, отражая изменения в общественных отношениях в зависимости от социальных факторов. Эти изменения часто обусловлены политическими реалиями и существованием социалистической системы управления государством на протяжении советской эпохи.

В отношении концепта *власть* современного узбекского языка предлагают разные варианты периодизации семантических изменений политической лексики. Традиционно в эволюции понятия *власть* в узбекском языке выделяют три основных этапа с переходными периодами.

1. Важный в диахроническом аспекте этап староузбекского языка в формировании понятия *власть* (период XI–XIX вв.). Формирование политической лексики в староузбекском языке за счет заимствований из арабского и персидского языков, а также трансформации понятия власти при заимствованиях в эпохах Чагатайской, Караханидов, Тимуридов и ханств.

2. Советская эпоха в формировании понятия *власть* в современном узбекском языке (период 1917–1991 гг.). В связи с преобразованием политической системы в обществе произошла смена власти. Вместе с этим изменилось восприятие власти, смыслы и смысловые связи в языковой картине мира. Происходящие политические события как социальные факторы стали причинами десементизации термина *hokimiyat* (*хакимият*). В результате слово *hokimiyat* (*хакимият*) потеряло первоначальное значение и стало однозначным лексическим эквивалентом термина «власть» в русском языке.

3. Эпоха Независимости узбекской государственности (период 1991–2026 гг.). В годы перестройки произошел ряд существенных изменений в обществе. Главные особенности были зафиксированы в формировании и наименовании новых социально-политических отношений, на язык оказали влияние изменения в государственном строе и системе управления государством эпохи Независимости Республики Узбекистан.

Вместе с тем эквивалент слова «власть»

подвергался семантической деривации за счет наполнения новыми смыслами и понятийными оттенками на базе исходного значения. Этот процесс также связан с появлением новых политических реалий и их ключевой ролью в изменениях в семантике понятия власти, с формированием иной картины политической жизни общества. Влияние таких факторов, как политические реалии, процессы, периодически фиксировались в различных словарях современного узбекского языка. Эти факторы сказались на политической лексике, входящей в тематическое поле «власть», современного узбекского языка. В результате слова *hokimiyat*, *davlat*, *hukumat* приобрели новое и более конкретное значение в современном узбекском языке в начале XXI века. Например:

– *hokimiyat*. арабск. — власть, государственность; управление; властвование, господство; право управления государством; политическое господство; право и полномочия государственных органов; государственное управление и его органы; правительство; управление и отдать приказ [ТСУЯ 2006–2008: 547].

– *hukumat*. арабск. — правительство; власть; государственный управленческий аппарат; высший исполнительный орган, имеющий право отдать распоряжение, и непосредственно осуществляющий государственное управление, государственную власть [ТСУЯ 2006–2008: 560–561].

– *davlat*. арабск. *страна* (независимая страна, способная защитить социально-политические права своих граждан и также имеющая органы государственной власти, способная подавлять действия оппозиционных сил, направленные против страны — антигосударственные действия) [ТСУЯ 2006: 537].

Таким образом, в настоящее время в современном узбекском языке для выражения концепта «власть» употребляются следующие слова: *hokimiyat*, *hukumat*, *davlat*.

В итоге дефиниционного анализа выявлено, что ядро концепта «власть» в узбекском языке репрезентируется с помощью четырех базовых значений: 1) право на управление государством; 2) политическое господство; авторитет; 3) права и полномочия государственных органов; 4) государственное управление и органы государственного управления; отдать приказ. В общем понятие «власть» в узбекской лингвокультуре — это не просто *сила* и *господство*, а своеобразная структура, основанная на уважении, традициях и ответственности перед обществом.

Следует подчеркнуть, что слово *power* обозначает понятие *власть* в современном

английском языке. Однако в английском языке слово *power* в значении 'власть' заимствовано из французского языка (ME > Fr *rouer* > VL — to be able). В основе понятия «власть» во многих европейских языках лежат латинские слова *potestas* и *potentia* со значением 'способность что-то сделать', от которых происходили английская лексема *power* и французская *pouvoir*. И слово *power* впервые было зафиксировано, согласно Оксфордскому словарю, со значением *ability to act or do* в XIII веке [OED 1978: 1212–1215].

Дефиниционный анализ позволяет констатировать, что ядро концепта *power* (власть) в английском языке представлено четырьмя базовыми значениями: 1) *дееспособность; правоспособность; лицо, имеющее право участвовать в делах государства, в управлении жизнедеятельностью общества*; 2) *архаизм. вооруженные силы; армия, военно-морские силы; мощь вооруженных сил*; 3) *великие державы; доминирующий народ (господствующий над другими народами)*; 4) *политика с оппозиции силы*. Также наряду с *power* семантическую градацию понятия демонстрирует синонимический ряд лексем: *authority, jurisdiction, dominion, sway, control, command*.

Изучение этимологии и семантики концепта *power* предоставляет возможность для определения основных черт его семантического поля. Основным значением *power* является *способность делать или влиять на что-то, действующее свойство или функция чего-либо, оказывать воздействие на субъект*.

Другой базовый элемент поля описывается с помощью лексем *политическое или социальное господство, сила, мощь*. В семантике *power* также выделяются значения господства и доминирования над другими,

подобные соответствующим концептам русского и узбекского языков. Последняя сема, входящая в ядро концепта *power* — *держава*.

В заключение можно отметить, что семантическую структуру концепта *power* схематически можно представить четырьмя базовыми категориями. В переводческой практике *power* считается эквивалентом слова *власть* и *hokimiyat*. Однако в семантике концепта *power* отсутствует понятие институтов (или истеблишмента) — *власти* и *должностные лица, облеченные властью*.

В таких контекстах концепт *power* может заменить концепт *authority*, компенсирующий отсутствующие значения.

Таким образом, с помощью лексикографического анализа были выявлены изменения в семантическом объеме, а также отмечены новые значения в семантической структуре понятия *власть* в русском, узбекском и английском языках.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что основные смыслы слов *власть* и *power* в контексте концептуализации власти как социального понятия на материале русского и английского языков в основном были изучены И. И. Чироновой. Необходимый для понимания концепта этимологический анализ устанавливает семантическую эволюцию слов на базе лексикографического анализа. Вместе с тем были описаны как общие смысловые элементы, так и различия эквивалентов в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах.

Вслед за И. И. Чироновой обобщенно в табличном виде представим совокупность признаков концепта, чтобы продемонстрировать, как на данном этапе выглядит сформировавшееся в русском, узбекском и английском языках понятийное поле «власть».

Таблица

Признаки концептов	Власть	Hokimiyat	Power	Authority
Контроль, господство	+	+	+	+
Могущество, влияние, сила	+	+	+	—
Управление:				
• форма управления	+	+	+	—
• право и возможность управления	+	+	+	+
• органы управления	+	+	—	+
• должностные лица	+	+	—	+
Способность влиять	—	+	+	+
Законная возможность действовать, полномочие	—	+	+	—
Делегирование полномочий, доверенность	—	+	+	—
Держава, нация	—	—	+	—
Авторитет	—	+	—	+

Как видно, смысловой объем концепта «власть» в значительной степени совпадает в лингвокультурах сравниваемых языков. Также можно отметить семантические преобразования данного концепта, имеющего в зависимости от языка этнокультурную специфику и отражающего идентичность, а также набор признаков, индивидуальный для каждого языкового сообщества на современном этапе.

По сути слова *власть*, *hokimiyat*, *power* составляют семантический разряд лексических единиц, посредством которых реализуется концепт *власть*. В процессе сопоставления обобщенных данных были выявлены основные черты структурирования понятийного поля «власть» в трех языках.

С помощью семантического анализа определены некоторые соответствия и расхождения в присутствии базовых значений данного концепта в русской, узбекской и английской лингвокультурах: 1) контроль, господство; 2) могущество, влияние, сила; 3) форма управления; 4) право и возможность управления; 5) органы управления и должностные лица.

Все пять ядерных сем, характерные для концепта *власть*, равнозначно представлены в русских, узбекских и английских лексемах: *власть*, *hokimiyat* и *power (authority)*.

Видно, что концепты *hokimiyat* и *power* являются наиболее близкими лексическими эквивалентами концепта *власть*, поскольку в них выражены наиболее важные базовые значения: 'контроль и господство', 'сила и влияние', 'управление', являющиеся интегральными для всех трех концептов [WNewWD: 442].

Таким образом, основное различие между концептами в трех языках наблюдается в степени присутствия семантических признаков, относящихся к категории 'управление'. В концепт *power* в качестве субъекта власти входит только понятие 'нация, держава' (*the Great Powers, a naval power*), в то время как для концепта *власть* представления о субъектах описываются иначе: отсутствует значение 'страна', но имеются другие субъекты — институты власти и должностные лица, осуществляющие властные функции (*муниципальная, городская власть*). Данный семантический признак не представлен в концепте *power*, и в контекстах основной репрезентант концепта *power* заменяется обладающим необходимыми семантическими признаками концептом *authority*.

ВЫВОДЫ

Резюмируя вышеприведенные сравнительные выкладки, можно констатировать,

что в толковых и энциклопедических словарях, монографических исследованиях нет общепризнанного определения абстрактного понятия власти. У этого понятия нет однозначных, совпадающих стереотипных представлений и в сознании русскоязычных, узбекоязычных и англоязычных народов.

В ходе исследования концепта «власть» наибольшее внимание уделено выявлению исторических фактов с точки зрения лингвокультурологического анализа. Изученные исторические материалы предоставили значительные возможности для определения влияния социальных факторов на формирование ПЛ, входящей в тематическое поле «власть», в соответствии с периодизацией развития человеческого общества.

Следует отметить, что семантическая структура лексических единиц, передающих концепт *власть* в составе ПЛ сравниваемых языков, тесно связана с развитием и изменениями общества в ходе исторических процессов и важных событий. Первостепенное влияние оказывают структурирование власти и властных отношений; образование государственности и ее структуры; своеобразные формы управления, присущие каждой эпохе в развитии человеческого общества.

Очевидно, что лексические единицы, характеризующие понятийное поле «власть», подвержены изменениям, поскольку входят в арсенал лексических средств политической коммуникации, дискурса, дебатов и относятся к основным референтным знакам политического языка.

ИСТОЧНИКИ

1. Большой академический словарь русского языка. — Москва : Санкт-Петербург, 2005. — Т. 2. — 657 с. — ISBN 5-02-033662-9.
2. Будагов, Л. 3. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий : в 2 т. / Л. 3. Будагов. — Репр. изд. 1869 г. — Москва : Изд-во вост. литературы, 1960. — Т. 1. — 819 с.; т. 2. — 415 с.
3. Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев. — Ленинград : Наука, 1969. — XXXVIII, 676 с.
4. Словарь русского языка XI — XVII вв. Вып. 2 (В — Волога) / под ред. С. Г. Бархударова. — Москва : Наука, 1975. — 319 с.
5. ТСУЯ = Толковый словарь узбекского языка : в 5 т. = Ўзбек тилининг изоҳли лугати. 5 жилдди. — Ташкент : Ўзбекистон миллий энциклопедияси : Давлат илмий нашриёти, 2006–2008. — 680, 672, 688, 608, 592 с.
6. Узбекско-русский словарь. — Москва : ГИС, 1959. — 839 с.
7. Шанский, Н. М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. Вып. 8 / под ред. Н. М. Шанского. — Москва : Изд-во МГУ, 1982. — 471 с.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4 / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 2-е изд., стер. — Москва : Прогресс, 1987. — 864 с.
9. Azizova, A. A. A Concise English-Uzbek Dictionary (for students studying political science, history, international relations, diplomacy, religion, linguistics and military affairs) / A. A. Azizova, G. N. Rakhmanov. — Tashkent : FAN Publisher, 2004. — 301 p.
10. Oxford English Dictionary. Vol. VII (N—Poy). — 4-th ed. — Oxford, 1933.

11. WNewWD = Webster's New World Dictionary of American English / ed. in chief David B. Guralnik. — Second College Edition. — New York : Simon a. Schuster, 1984. — XXXVI, 1692 p. — ISBN 0671418076.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. — Москва : Наука, 1993. — С. 3–6. — ISBN 5-02-011104-X.

2. Вежибицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежибицкая ; пер. с англ. А. Д. Шмелева. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — XII, 776 с. — ISBN 5-7859-0032-7.

3. Галкина, Е. В. Теоретические концепты гражданского общества и российской политической практика / Е. В. Галкина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). — 2012. — № 6. — С. 8. — EDN PAWRLJ.

4. Дадабаев, Х. Общественно-политическая и социально-экономическая терминология в тюркоязычных письменных памятниках XI–XIV вв. / Х. Дадабаев. — Ташкент : Езувчи, 1991. — 186 с. — ISBN 5-8255-0080-4.

5. Ерофеева, И. В. Концепт «Власть» в медиадискурсе: дихотомия репрезентации / И. В. Ерофеева // Вестник Читинского государственного университета. — 2009. — № 1(52). — С. 167–171. — EDN JARJIG.

6. Игнатова, И. В. Особенности актуализации концепта «power» в речи президента США Б. Обамы на саммите ЕС — США (Брюссель, 26 марта 2014 г.) / И. В. Игнатова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 2-3 (62). — С. 153–156. — EDN TXTOIV.

7. Кипенко, М. В. Лексическая объективация концепта «власть» в языке газеты «Комсомольская правда» / М. В. Кипенко // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2010. — № 4 (84). — С. 238–245. — EDN MNHCLJ.

8. Коноваленко, И. В. Структура концепта «власть» (по данным ассоциативного эксперимента) / И. В. Коноваленко // Вестник Омского университета. — 2011. — № 3(61). — С. 168–171. — EDN OFZDZH.

9. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. — Москва : Флинта : Наука, 2007. — 296 с. — ISBN 978-5-89349-748-9.

10. Орлова, М. В. Отражение концептуальной картины мира в толковом словаре живого великорусского языка В. Даля / М. В. Орлова // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2012. — № 4. — С. 85–90. — EDN PJOHLD.

11. Русская языковая картина мира. Культурно значимые концепты. — Владимир : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2018. — 120 с. — ISBN 978-5-906773-93-7. — EDN VOGJUI.

12. Чекулай, И. В. Аксиологическая специфика концепта «власть» в семантической структуре фразеологических единиц русского и английского языков / И. В. Чекулай, О. Н. Прохорова // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2014. — Т. 1, № 1 (1). — С. 72–79. — EDN TWCXGH.

13. Чиронина, И. И. Национальная специфика концепта власть в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах / И. И. Чиронина // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2014. — № 4. — С. 48–56. — EDN SPLKRX.

14. Шабанова, А. А. Репрезентация концепта «власть» в современной русской языковой картине мира / А. А. Шабанова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 17 (232). — С. 172–175. — EDN OZOZUL.

15. Weber Max. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie / Max Weber. — 5., rev. Aufl. — Tübingen : Morh, 1972. — ISBN 3165336318. — 300 S.

MATERIALS

1. Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka (2005) = The Great Academic Dictionary of the Russian Language. Moscow, St. Petersburg, 2005. Vol. 2. 657 p. ISBN 5-02-033662-9.

2. Budagov, L. Z. (1960). Sravnitel'nyy slovar' turetsko-tatarskikh narechiy = Comparative Dictionary of Turkish-Tatar Dia-

lects. In 2 volumes. Reprint of the 1869 edition. Moscow: Publishing House of the Oriental Literature, 819, 415 p.

3. Nadeyeva, V. M. (Ed.) (1969). Drevneturkiskiy slovar' = Old Turkic Dictionary. Leningrad: Nauka, XXXVIII, 676 p.

4. Barkhudarov, S. G. (Ed.) (1975). Slovar' russkogo yazyka XI — XVII vv. Vyp. 2 (V — Vologda) = Dictionary of the Russian Language of the 11th — 17th Centuries. Vol. 2 (V — Vologda). Moscow: Nauka, 319 p.

5. TSUYA (2006–2008). = Tolkovyiy slovar' uzbekskogo yazyka : v 5 t. = Explanatory Dictionary of the Uzbek Language. In 5 volumes. Tashkent: Ouzbekiston milliy ehntsiklopediyasi, Davlat ilmiy nashriyati, 680, 672, 688, 608, 592 p.

6. Uzbeksko-russkiy slovar' (1959) = Uzbek-Russian dictionary. Moscow: GIS, 839 p.

7. Shanskiy, N. M. (1982). Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka. T. 2. Vyp. 8 = Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol. 2. Issue 8. Moscow: Izd-vo MGU, 471 p.

8. Fasmer, M. (1987). Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka. T. 4 = Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol. 4 (Translated from German and supplemented by O. N. Trubachev). 2nd edition, revised. Moscow: Progress, 864 p.

9. Azizova, A. A., Rakhmanov, G. N. (2004). A Concise English-Uzbek Dictionary (for students studying political science, history, international relations, diplomacy, religion, linguistics and military affairs). Tashkent: FAN Publisher, 301 p.

10. Oxford English Dictionary (1933). Vol. VII (N—Poy). 4-th ed.

11. Guralnik, David B. (Ed.) (1984). Webster's New World Dictionary of American English. Second College Edition. New York: Simon a. Schuster, XXXVI, 1692 p. ISBN 0671418076.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1993). Vvedenie = Introduction. *Logical Analysis of Language. Mental Actions*, 3–6. Moscow: Nauka. ISBN 5-02-011104-X.

2. Vezhbitskaya, A. (1999). Semanticheskie universalii i opisanie yazykov = Semantic Universals and Language Description (Transl. from Eng. by A. D. Shmelev). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, XII, 776 p. ISBN 5-7859-0032-7.

3. Galkina, E. V. (2012). Teoreticheskie kontsepty grazhdanskogo obshchestva i rossiyskaya politicheskaya praktika = Theoretical Concepts of Civil Society and Russian Political Practice. *Modern Research of Social Problems (electronic scientific journal)*, 6, 8. EDN PAWRLJ.

4. Dadabaev, Kh. (1991). Obshchestvenno-politicheskaya i sotsial'no-ehkonomicheskaya terminologiya v tyurkoyazychnykh pis'mennykh pamyatnikakh XI–XIV vv. = Socio-political and socio-economic terminology in the Turkic-language written monuments of the XI–XIV centuries. Tashkent: Ezuvchi, 186 p. ISBN 5-8255-0080-4.

5. Erofeeva, I. V. (2009). Kontsept «Vlast'» v mediadiskurse: dikhotomiya reprezentatsii = The concept of “Power” in media discourse: the dichotomy of representation. *Bulletin of Chita State University*, 1(52), 167–171. EDN JARJIG.

6. Ignatova, I. V. (2015). Osobennosti aktualizatsii kontsepta «power» v rechi prezidenta SSHA B. Obamy na sammite ES — SSHA (Bryussel', 26 marta 2014 g.) = Features of the actualization of the concept of “power” in the speech of the President of the United States B. Obama at the EU—USA Summit (Brussels, March 26, 2014). *Bulletin of Kemerovo State University*, 2-3(62), 153–156. EDN TXTOIV.

7. Kipenko, M. V. (2010). Leksicheskaya ob'ektivatsiya kontsepta «vlast'» v yazyke gazety «Komsomol'skaya pravda» = Lexical Objectification of the Concept ‘Power’ in the Language of the Komsomolskaya Pravda Newspaper. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 4(84), 238–245. EDN MNHCLJ.

8. Konvalenko, I. V. (2011). Struktura kontsepta «vlast'» (po dannym assotsiativnogo ehksperimenta) = The Structure of the Concept “Power” (Based on the Data of the Association Experiment). *Bulletin of Omsk University*, 3(61)6 168–171. EDN OFZDZH.

9. Maslova, V. A. (2007). Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku. = Introduction to Cognitive Linguistics. Textbook. Moscow: Flinta, Nauka, 296 p. ISBN 978-5-89349-748-9.

10. Orlova, M. V. (2012). Otrazhenie kontseptual'noy kartiny mira v tolkovom slovare zhivogo velikorusskogo yazyka V. Dallya = Reflection of the Conceptual Picture of the World in the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by

V. Dal. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19, Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 85–90. EDN PJOHLD.

11. Russkaya yazykovaya kartina mira. Kul'turno znachimye kontsepty (2018) = The Russian Language Picture of the World. Culturally Significant Concepts. Vladimir: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 120 p. ISBN 978-5-906773-93-7. EDN VOGJUI.

12. Chekulay, I. V., Prokhorova, O. N. (2014). Aksiologicheskaya spetsifika kontsepta «vlast'» v semanticheskoy strukture frazeologicheskikh edinit russkogo i angliyskogo yazykov = The Axiological Specificity of the Concept “Power” in the Semantic Structure of Phraseological Units in Russian and English. *Scientific Result. Series: Issues of Theoretical and Applied Linguistics*, 1(1[1]), 72–79. EDN TWCXGH.

13. Chironova, I. I. (2014). Natsional'naya spetsifika kontsepta vlast' v russkoyazychnoy i angloyazychnoy lingvokul'turakh = National Specificity of the Concept of Power in Russian- and English-Speaking Linguistic Cultures. *Bulletin of Moscow University. Ser. 19, Linguistics and Intercultural Communication*, 4(48–56). EDN SPLKRX.

14. Shabanova, A. A. (2011). Reprezentatsiya kontsepta ‘vlast’ v sovremennoy russkoy yazykovoy kartine mira = Representation of the Concept of ‘Power’ in the Modern Russian Language Worldview. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 17(232), 172–175. EDN OZOZUL.

15. Weber, Max (1972). *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie*. 5, rev. Aufl. Tübingen: Mohr. ISBN 3165336318. 300 S.